МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VII (XXI)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(16–18 апреля 2020 г.)

Выпуск 21

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2020

восприятию звуковой регистр расширяется благодаря мнимым ощущениям, вызванным напряженным психологическим состоянием человека: «...даже пенье и смех почудились мне» [3. С. 348]. Раздвоение планов реального и ирреального в «Стучит!», как и в рассказе «Стук... стук... стук!..», вызвано пограничной сюжетной ситуацией сна, после которой визуальная картина размывается, действительность теряет чёткость очертаний. Двойственность мирообраза эксплицирована и на уровне жанровой структуры текста: визуальная поэтика рассказа моделирует ирреальное пространство заколдованного царства. «Тихая, славная» [3. С. 344] ночь, вызывающая у рассказчика ассоциации с былинным временем, с одной стороны, создаёт ощущение иллюзорной гармонии, а с другой — предвосхищает фольклорно-сказочную сюжетную ситуацию встречи с разбойниками на дороге.

Визуально-акустическая поэтика рассмотренных рассказов репрезентативна с точки зрения метода «странного» Тургенева, его «двойного» видения [1. С. 47], позволяющего воспринимать в эмпирической реальности знаки иного мира.

Литература

1. Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 192 с.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1981. Т. 8. 542 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1979. Т. 3. 526 с.

DOI: 10.17223/978-5-94621-901-3-2020-76

ДОМИНАНТЫ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Григорян Э.Р.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, аспирант

DOMINANTS OF THE «SUPERFLUOUS MAN»: THE INTERTEXTUALITY OF THE LITERARY IMAGES

Grigoryan E.R.

Dostoevsky Omsk State University, postgraduate student

В статье исследуется роль интертекстуальности как одной из доминант в изображении «лишних людей» и выстраивании событийной канвы для обозначения ценностных ориентиров литературного произведения. «Лишний человек»

переходит из одного исторического этапа в другой, меняясь и трансформируясь, но каждый раз несёт с собой аллюзии и интертексты.

Ключевые слова: «лишний человек», интертекстуальность, аллюзии, интертексты.

The article researches the role of intertextuality as one of the dominants for «superfluous people» image and for building an event canvas and value orientations of a novel. «Superfluous man» moves from one historical stage to another, changing and transforming, but each time it brings allusions and intertexts.

Key words: «superfluous man», intertextuality, allusions, intertexts.

Научный руководитель: Н.Н. Мисюров, д-р философ. наук, профессор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Одной из задач нашего научного исследования является систематизация теории о «лишнем человеке» и изучение современного взгляда на проблему данного литературного типа. Несмотря на то, что до определённого момента тема лишнего человека казалась исчерпанной, в современном литературоведении до сих пор появляется много исследований и на тему происхождения и развития типа, и на тему его трансформации через эпохи, эволюции или, напротив, инволюции [1–7]. Важно подчеркнуть и группу научных исследований, изучающих инварианты данного литературного типа [8–10]. Мы можем объяснить это тем, что «лишний человек» – больше, чем просто литературный тип, это сгусток национально-философских взглядов, влияющий на целый пласт сюжета и концепций романских структур, выражающих идеи эпохи.

Согласимся с методологией исследователей, изучающих тему «лишнего человека», в том, что выделяются следующие типологические доминанты: 1) образованность, склонность к путешествиям; 2) интертекстуальность: герой сравнивает себя (или автор сравнивает) с литературными героями; 3) «испытание любовью» (по Л.В. Пумпянскому); 4) герой обладает даром красноречия («Рудин»), его слушают, слово становится его делом. 5) неспособность применить свои таланты (их несвоевременность) [8. С. 109].

К вышеуказанным доминантам добавим ещё одно – внутреннее «ощущение чужеродности» у героя, которое проявляется в тексте, обрастая социологическим параметром. Лишний – помещённый в чуждую (по ощущениям героя) среду.

При интертекстуальном методе изображения герой встраивается в событийную канву, которая переносит через время и пространство. В этом случае мы имеем дело с антиномией: гармония характеристик «несвоевременность героя» и «актуальность, обусловленная переломным

или переходным моментом эпохи» очевидна. В связи с интертекстуальностью особую значимость приобретает хронотоп героя (его метафизическое пространство и время) и различные способы «игры» с ним. Если помнить, что «характер отношений между кодами и целым текстом влияет на «вербализацию» авторского замысла, что способствует «приращению смысла», и «литературное произведение рассматривается как основа, которая достраивается в процессе чтения и интерпретации, восполняется читателем как субъектом кодовой организации текста» [11. С. 696], то становится ясно, что интертексты и аллюзии функционируют как своеобразные «коды», «ключики», которые необходимо расшифровать.

Проанализировав романские структуры, авторы которых вплетают интертексты в ткань произведения, встраивают «коды» для читателя определенной эпохи, мы пришли к выводу, что интертекстуальность проявляется на следующих уровнях:

- на уровне эстетики описываемого пространства и изображаемых деталей;
- на уровне литературно-эстетических предпочтений самого автора;
- на уровне идеи и ценностных ориентиров «лишнего человека».

В «Записках Мальте Лариудса Бригге» Райнера Мария Рильке мы наблюдаем проявление интертекстуальных элементов текста Ф.М. Достоевского на всех трёх уровнях. Во-первых, описываемое пространство Парижа напоминает Петербург Ф.М. Достоевского, где тяжёлые запахи и смрад, окутавшие город, ночлежки, больницы для бедных, изображаются нищие, продающие что-то или пытающиеся «всучить прохожему какую-нибудь ерунду за бесценок» [12]. Чётко прослеживаются мотивы Ф.М. Достоевского: подобно Раскольникову, Мальте видит, как люди теряются в нищете, проживают «чужую» жизнь и умирают не «своей смертью». Петербург и «русскость» непременно дадут ещё о себе знать романе: во фрагменте, где речь идет о петербургских сценах жизни Мальте, Рильке предлагает эстетический путь преодоления времени – русский знакомый Мальте Николай Кузьмич все дни напролет читает стихи, пытаясь нейтрализовать движение времени, превращая его в стихотворный ритм [13. С. 323]. Во-вторых, герой ощущает давление некой миссии, которую не в состоянии выполнить, ощущает отверженность от окружающих: он решает создать произведение, отражающее индивидуальность всех, за кем он наблюдает, но миссия оказывается для героя непосильной – его наблюдения

остаются записками. В-третьих, не остаётся сомнений в приверженности Рильке к Ф.М. Достоевскому и его литературным «кодам»: в годы своих скитаний по Европе, не будучи внешне ничем связанным с Россией, Рильке любил и перечитывал Достоевского. Согласимся с исследователями в стремлении усмотреть в духовном облике Мальте «воздействие образов Раскольникова» [14. С. 75]. Является ли в данном случае интертекстуальность актуализацией проблемы «лишнего человека» в романе? Мы бы не были в этом так уверены, если бы не следующий важный момент. «Лишность» героя подчеркнута: датчанин приезжает учиться в Париж, где снимает комнатуху, и он последний представитель знатного рода, оказывается в чужой среде в полном одиночестве и на грани нищеты. Обозначая национальность героя, автор стремится очертить процесс того, как датчанин встроен в русскую канву, и здесь важна не национальность, а чужеродность среды для героя, его внутренние ощущения, проявленные в эстетике и деталях произведения.

Интересно, что уровни литературно-эстетических предпочтений самого автора бывает достаточно: Хемингуэй был увлечен И.С. Тургеневым, и начал свою писательскую карьеру с одноименного произведения, которое стало пародией на творчество его современников. Оно было необходимо для утверждения своего литературного стиля, собственных гуманистических ценностей. Герой противопоставлен внешней среде [15]. Чтобы глубже понять «лишность» героя «Вешних вод» Хемингуэя, обратимся к цепочке: «Вешние воды» Хемингуэя – «Вешние воды» И.С. Тургенева – герои И.С. Тургенева – «гамлетовский текст». И.О. Волков подробно изучает влияние гамлетовских образов в поэтике И.С. Тургенева и объясняет это «сознательной установкой русского писателя на достоверную передачу драмы современной личности, определенной противоречиями самой эпохи» [16. С. 14]. Так проявляется «трагедия индивидуального существования», «глубина человеческого восприятия сложных процессов внешнего мира» [16. С. 24]. Таким образом, для Хемингуэя в данном случае важно не столько отражение деталей и чётких аллюзий на внешний, подразумевающийся текст, сколько культурно-эстетическое мировоззрение автора подразумевающегося текста, его литературный мир в целом.

О связи «гамлетизации» и «лишнего человека» говорит и Т.Е. Харисова [17]. По мнению исследователя, И.А. Бунин вставил в рассказ «Захар Воробьев» интертекстуальные элементы, связанные с «Записками охотника», «Муму», «Деревней», «продолжил тургеневский

образ «лишнего человека», поставив в центр повествования человека из народа» [17. С. 514].

Интертекстуальность, отражаясь в названии произведения, непременно проявится в дальнейшем тексте. Например, как в «Герое иного времени» А. Брусникина (Б. Акунина), важный сюжетобразующий центр: дуэль героев Мангарова и Никитина происходит на том же месте, на котором стрелялись Печорин с Грушницким. Отсылки к «Герою нашего времени» мы находим и в «Тамарине» М.В. Авдеева.

Интертекстуальность выступает одним из признаков доминант «лишнего человека». Аллюзии и отсылки к героям и произведениям предшествующих эпох несут определённую функцию: они призваны подчеркнуть «лишность» героя, актуализировать тип мышления и мировосприятия «лишнего человека». Выявление таких героев позволяет делать выводы об историко-культурных тенденциях эпохи, так как «лишний человек» – «это отражение проблем поколения» [18. С. 214] и «своеобразное болезненное явление в жизни общества, вызванное кризисом всей социальной системы» [7]. В то же время «лишний человек» – герой вне времени и пространства.

Литература

1. Галимзянов С.С. Проблема типологии героя в романе А. Брусникина «Герой иного времени» // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2016. № 2. С. 59–63.
2. Никольский Е.В. Проблема «лишнего человека» в романе Алексея Иванова «Ненастье» // Пушкинские чтения-2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст : материалы XXI международной научной конференции. М., 2016. С. 272–282.
3. Радь Э.А. Тип «человека заблуждающегося» в русской литературе: творчество А.Н. Радищева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 55–58.
4. Пономарева А.А. «Слабый» герой в литературе и критике 1850-х годов: несостоявшийся герой времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 2. С. 100–105.
5. Чернявская Н.В., Гуделева Е.М. Образы «Новой эпохи», ее подвижников и лишних людей в художественном мире А. П. Платонова (на основе анализа персонажей-антагонистов повести «Ювенильное море») // Вестник Тверского государственного университета. Филология. 2016. № 3. С. 96–103.
6. Подковаляникова А.С., Костяхина А.К. Эволюция типа лишнего человека в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» // Инновации в науке. 2016. № 55-2. С. 124–128.

7. Никольский Е.В. Образ «Лишнего человека» в контексте проблематики романа Орхана Памука «Снег» // *Studia Humanitatis*. 2016. № 3. С. 16.

8. Федосеенко Н.Г. К вопросу о типологическом характере «лишнего человека»: скитальцы Ф.М. Достоевского // *Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 87. С. 108–115.

9. Жернова Н.С. Борец или лишний человек? (мужской образ в прозе А.М. Ремизова 1903–1910 гг.) // *Universum: филология и искусствоведение*. 2016. № 11 (33). С. 22–23.

10. Чернец Л.В. Человек в футляре: литературный тип и его вариации // *Русская словесность*. 2014. № 2. С. 24–31.

11. Мисюров Н.Н. Текстовые коды романтической новеллы // *Омские научные чтения-2018 : материалы Второй Всероссийской научной конференции*. М., 2018. С. 696–698.

12. Рильке Р.М. Записки Мартина Лауридса Бригге / пер. с нем. В. Легучего. М. : Русский импульс, 2012.

13. Шумакова М.В. О форме «Записок Мальте Лауридса Бригге» Райнера Марии Рильке // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 67. С. 318–323.

14. Нечепорук Е.И. Стефан Цвейг и русская литература // *Ученые записки Мос. гос. пед. ин-та им. Н.К. Крупской*. 1968. Т. 220, вып. 11. С. 70–82.

15. Хемингуэй Э. Фиеста. Вешние воды / Эрнест Хемингуэй; пер. с англ. В. Топер, И. Дорониной. М. : АСТ, 2015. 352 с.

16. Волков И.О. Поэтика образа Гамлета в романном творчестве И.С. Тургенева // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 444. С. 14–26.

17. Харисова Т.Е. Трагедия проснувшегося сознания: «лишний человек» из народа в рассказе И.А. Бунина «Захар Воробьев» // *Вестник Башкирского университета*. 2014. Т. 19, № 2. С. 510–516.

18. Чэнь Х. «Лишний человек» в произведениях китайских писателей первой половины XX века // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 2-2 (44). С. 211–214.